

Беседа с Геннадием Семеновичем Батыгиным

(2003 год)

– Мы сейчас работаем над проектом клубного социологического сайта. Это клуб, в котором могли бы принимать участие с пользой для себя как состоявшиеся социологи (и люди других общественных наук, интересующиеся обществом, – политологи, журналисты), так и те, кто только осваивает эту науку: студенты, аспиранты, молодые ученые и т. д. Предполагается, что клуб будет выполнять две основные функции: информационную и коммуникативную. То есть на сайте должна размещаться полезная информация – всевозможные каталоги ссылок, тексты книг, большая социологическая библиотека и т. д., а также различные форумы для обсуждения тем, которые могут быть интересны и полезны нашим целевым группам. **Я хотел бы спросить, во-первых, что Вы думаете по поводу этой идеи, во-вторых, что, Вам кажется, было бы интересным и полезным сделать в этой связи?**

– К самой идее клуба я отношусь – пока без аргументов – скептически. Прежде всего потому, что это будет клуб.

К клубу должны быть вполне определенные требования: это форма организации светских сообществ, которые часто выступают в форме заменителей либо эрзацев каких-то других сообществ – научного сообщества, или сообщества исследователей общественного мнения, или, в широком смысле, того, что мы имеем в виду под социологами. Но в любом случае, даже если эти люди будут туда приходить, все равно это клуб, и в этом клубе нужно будет осуществлять какие-то задачи, не связанные непосредственно с научными интересами.

Фактически, по-моему, эта работа идет уже на протяжении последних двух лет: работа по созданию такого клуба – это семинары ФОМа. Многие из них были интересными в научном смысле, потому что они позволяют расширить наши словари и подумать о том, о чем раньше не думали, – в этом плане они представляют научный интерес. А если создавать клуб как салон, он может привлечь внимание людей, но это будет, наверное, другой жанр, тут надо исходить из самой стилистики этого салона. Разумеется, произойдет и сортировка.

Мне не вполне понятны цели этой работы – для чего это все нужно. Иногда в салоне группы возникают так стихийно, автоматически, по типу дружб, кругов общения – это вполне нормально. Там нет, например, заседаний, семинаров, но так или иначе происходит очень интенсивный обмен, а сейчас особенно это усилилось. Я, правда, не думаю, что круг общения ФОМа как организации, сообщества достаточно однороден для того, чтобы это был клуб для всех. Конечно, это будет клуб не для всех, но он будет открыт для всех, и многие туда будут ходить, преследуя клубные цели, а другие будут ходить, преследуя научные цели, и рано или поздно возникнут всякого рода диссонансы. Но они и сейчас могут возникать. Поэтому если развивать эту работу, надо быть готовым к тому, что будут неудачи.

– **Поговорим об интернет-проекте, то есть о большом портале, предназначенном для людей, которые занимаются социологией и опросами общественного мнения. Представьте себе портал, на который Вы ходите каждый день. Пришли на**

работу, включили компьютер – и обязательно туда заходите. Что это был бы за портал, который вызывал бы у Вас такую потребность?

– Если судить по моим дневникам, то прежде всего это библиографические списки и публикации в журналах – либо по методологии науки, либо по истории идей. Есть несколько сайтов по интеллектуальной истории Советского Союза и Восточной Европы, но эти сайты представляют интерес только для меня, там большей частью интересны рецензирование и литература по теме. Благодаря этим сайтам я просто знаю, что творится в моей дисциплинарной области, и кроме того, это мне дает возможность более или менее ориентироваться в литературе и формировать репертуарные списки.

А вот таких сайтов, которые представляют для меня внеакадемический интерес, не существует. Но это казус, потому что в данном случае моя позиция совершенно не репрезентативна. Например, я не представляю себе общественное мнение как таковое. А как бы это можно было организовать на сайте...

Это должен быть сайт, ориентированный и на университетское сообщество, и на сообщество академическое. Почему на академическое – не знаю, это просто следствие моей заинтересованности. Нечто вроде того, что делают (правда, очень халтурно, в режиме спектакля) на сайте www.auditorium.ru. Основной компонент должен был бы быть – это библиотеки, полнотекстовые издания. Можно выложить полнотекстовые издания ФОМовских книг – это издательская про-

грамма, в том числе и переводных книг – в сеть. И это не приведет к падению тиражей, а даже наоборот – они возрастут. А если мы будем, например, формировать полнотекстовые библиотеки для университетского сообщества по социальным и гуманитарным наукам, то этот клуб, или сообщество, сформируется сам собой, исходя даже из такого обстоятельства, что компьютеризация, интернетизация университетов уже завершена, то есть практически все преподаватели университетов – за исключением самых беспомощных, которые не хотят, – могут пользоваться интернетом. Работают 33 центра интернета, и благодаря Министерству образования сейчас, по моему, везде есть очень мощные сети. А с другой стороны, литературы нет, учебников. Я это довольно неплохо знаю как эксперт образовательных фондов. Они гонятся за литературой, не знают что читать. Вот открыв текстовые массивы для университетского сообщества, в широком смысле университет-

еще было бы полезно? Что еще Вы предложили бы? Вот Вы говорили о библиографии.

– Все это можно называть словом “библиотека” – современная виртуальная библиотека, такая, какая представлена на сайтах очень хороших университетов. Там содержатся и персональные базы данных, например, там могут быть личные сайты, но вполне достаточно выложить штук 300 хорошо выполненных CV, то есть справок о персоналиях. Это будет библиотека персоналий, где портрет необязателен, хотя и желателен, ну, вот там есть портрет Матураны, на его сайте, или портрет Ван Дейка, или Сенга – это такие хулиганские вещи, очень забавные, они приближают научную стилистику к стилистике стеба; но информация, которая там содержится, бесценна, потому что, например, вот мы на сайте Ван Дейка – мы можем знать, какие книги сейчас находятся в печати у него и где, можем просмотреть аннотации этих книг. А многие из книг, кото-

Если формировать полнотекстовые библиотеки для университетского сообщества по социальным и гуманитарным наукам, то это сообщество сформируется само собой, поскольку компьютеризация, интернетизация университетов уже завершена

ского, можно создать это пространство. Тогда руководители сайта, администраторы его в том числе, уже могут вести какой-то мониторинг, переписку с этими людьми и создавать такое сообщество.

– Значит, библиотека – в широком смысле этого слова. Что

рые он опубликовал, выложены в полнотекстовых версиях, и они доступны для скачивания. Вот если бы было 300 примерно таких персональных сайтов, это бы создало хорошую сетевую архитектуру, за которой бы обязательно появлялись живые люди.

– *А могли бы Вы созданию такой структуры чем-то помочь? Можем мы о чем-то договориться?*

– Если этот сайт возьмет на себя труд по стандартным образцам, по стандартному дизайну изготавливать авторские справки и цифровать научные работы или просто файлы готовить и выкладывать их в сеть, каждый на это пойдет. За исключением просто сумасшедших – они тоже есть, – которые будут спрашивать: а вдруг мою работу украдут? Есть таких дураков в моем поле зрения человек восемь, но так или иначе свою фамилию, имя и отчество они смогут показать в списке персоналий. Так что если мы выложим персоналии, библиотеку (причем библиотечный каталог тоже требует большой работы – чтобы создать поисковую систему по библиотеке, нужен не только список книг, а там нужно еще поиск вести по полям; это очень легко видеть на сайте библиотеки Конгресса, как это делается) – и вот накопление такой библиотеки позволит сделать то, что нужно. Да, это не уникально, это сейчас многие делают – но делают халтурно.

– *Что такое халтурно (или не халтурно) в Вашем понимании?*

– Халтурно... Например, сайт www.auditorium.ru, в работе над которым я принимал участие на первом этапе, – до тех пор, пока там не произошла коммуникативная неудача. Руководители сайта не вполне понимали мои требования, а я не понимал их, а сейчас я их понимаю. Они считали, что сайт – это нечто вроде увлекательного рекламного произведения. Например, вот под знаменем Сороса, под руководством института

“Открытое общество” вперед к победе – чего? Гражданского общества. А у меня была ориентация чисто информационно-академическая. Это значит, что на home page должен быть подавлен цвет, должны быть, например, темносиние и черные тона, структура организации сайта должна быть чисто классификационно-иерархическая, чтобы сайт работал тоже как библиотека или как учреждение. Вот такая идея была.

Расхождение там возникло в том, что они предлагали включать в списки литературы, например по социологии, низкокачественные издания, которые писало начальство. Мы в результате длительного отбора скомплектовали топ-сто – это сто лучших книг по социологии в мире. Отчасти с использованием западных экспертиз (там есть расхождения вкусовые, но это неважно) топ-сто были сделаны, и эти топ-сто предполагалось выложить на сайт в цифровом варианте. В результате обнаружилось, что туда не включены брошюры “Программы связи университетов с локальными сообществами” или “Роль губернатора Саратовской губернии в повышении эффективности и качества социальной работы”, – вот такие вещи. Это в принципе неважно, потому что все эти вещи можно обсуждать, но люди, которые делали сайт, не вполне понимали смысл академической работы и не отличали хорошие работы от плохих. Например, они выкладывали “Социологический журнал” в текстовом варианте – слава богу, что он выкладывается на двух сайтах еще, тут потери не было, но, например, в названиях статей были

пропущены слова, были приведены неверные инициалы авторов и членов редколлегии. Я им пишу письма: “Уважаемые коллеги! Мне очень стыдно перед моими коллегами и авторами, прошу вас, исправьте инициалы. Потому что это неэтично, это означает, что мы не умеем себя вести, портим отношения с людьми!” Две недели проходят – не исправлено. Я еще пишу письмо – ничего не исправляют. Новый номер выходит – там еще хуже: содержание старого номера перекопировали в новый. Я говорю: ради бога, исправьте! А они думают: что за дурак, чего он привязался, какая ему разница, что там выложено? Главное же – что красиво, в цвете. В результате я совершил глупость: я пожаловался Владимиру Александровичу Ядову, а он был членом стратегического комитета (это политбюро Фонда), я-то там был просто эксперт среднего уровня, а он был членом политбюро. Он разорался на политбюро и сказал: “Что такое?! И это сайт по социологическому направлению?! Это же мусор, это же безобразие, что там творится!” Кстати, и по истории, и по лингвистике было еще хуже, чем у нас. В итоге я получил письмо: “Уважаемый Геннадий Семенович! На стратегическом комитете было высказано мнение, что социологический компонент сайта представляет собой безобразие”. А я же был ответственный за содержание. В итоге меня выгнали, что абсолютно правильно, – я бы то же самое сделал на их месте.

Поэтому тут речь идет просто об изготовлении качественного продукта – в том смысле, что он соответствует заданию. Напри-

мер, если мы издаем научную книгу, это значит, что там нет веселых рисунков.

Итак, первый компонент – это репертуарные списки, каталоги книжных изданий либо росписи статей. Это будет называться “Новые книги по социальным наукам” и выкладываться в виде описаний. Второй компонент – это полнотекстовые издания, часть из них, может быть, нужно будет цифровать, если мы не найдем электронных версий; это морока, но тут выкрутиться можно. Третий компонент – это персоналии. Четвертый компонент – это рецензирование литературы в онлайн-режиме. В толстых бумажных журналах у нас рецензии довольно большие, в формате статей, а здесь можно публиковать рецензии в виде высказывания мнений просто на полстраницы, на две страницы, на три. Вот этот компонент кажется мне очень сложным, проблематичным, потому что у нас здесь в России почему-то рецензирование не идет. Во всех других странах идет – а у нас не идет.

– Люди отказываются рецензировать?

– Считают это неблагодарным трудом. Ослаблены нормы корпоративного контроля, и когда человек выступает от имени сообщества, то есть высказывает общее мнение по поводу книги, он всегда очень многим рискует – проигрыша больше, чем выигрыша. Тогда как в буржуазных странах рецензент всегда сильно повышает свой статус – независимо от того, положительно он высказывается или отрицательно.

– Это ослабление норм корпоративного контроля свидетельствует о слабой корпоратив-

ности социологов или вообще об отсутствии такой корпорации. Это так?

– Нет, не совсем так. Потому что корпорации всегда существуют, только иногда они существуют не как профессиональные корпорации, а скорее как ad hoc – как личностные корпорации. Я могу более или менее уверенно сказать, что тот круг общения, который у нас сформировался – в нашем журнале и на семинарах, – представляет собой некую корпорацию, потому что есть тут нормы траста, доверие между людьми, каждый друг к другу обязательно обращается со своими работами. Да вот Иван Климов, и Галя <Градосельская>, и Дмитрий Михайлович <Рого-

зывается “Срочное чтение” – там всегда 15–20 статей лежит. Конечно, большая их часть – те, что приходят в журнал, их нужно читать на входе, но есть и статьи, которые просто почитать – это обычное, нормальное дело.

– Такие нормы соблюдаются в личностных кругах. И наше общее социологическое сообщество из таких кругов и состоит?

– Но они не пересекаются или пересекаются очень слабо.

– В отличие от западного общества, где ситуация во многом другая?

– Там, конечно, тоже все распределено на кружки... Но там структура организации науки немножко другая. Там в принципе не может

Первый компонент, необходимый для формирования сообщества, – это репертуарные списки, каталоги книжных изданий либо росписи статей. Второй – полнотекстовые издания. Третий компонент – это персоналии. Четвертый – рецензирование литературы в онлайн-режиме

зин> – у нас уже принята норма обязательно давать друг другу свои работы, перед тем как они будут опубликованы. Об этом говорить не принято, но если кто-нибудь из нас, например, что-то там опубликует сам, но предварительно со всеми другими это все не обсудит, то это считается как бы моветон. Ему никто не скажет: что ж ты, сволочь, делаешь?! Но каждый из нас знает, что подумает другой, если мы ему не дадим почитать заранее. Так это – что? Это рецензирование. Правда, это для меня лично приводит к беде большой, к горю, потому что есть у меня каталог, он

быть таких институтов, которые насчитывают 350 человек, за исключением институтов-корпораций. В Массачусетском технологическом институте, по-моему, человек 700 работают, но это действительно динозавр какой-то, а так – институты маленькие, и там очень четко локализованы круги общения, и они имеют интернациональный характер. Там люди меньше привязаны к учреждениям, чем мы. То есть если представить себе структуру науки в двух режимах – интернациональном и междисциплинарном, или в двух каких-то уровнях (и неиз-

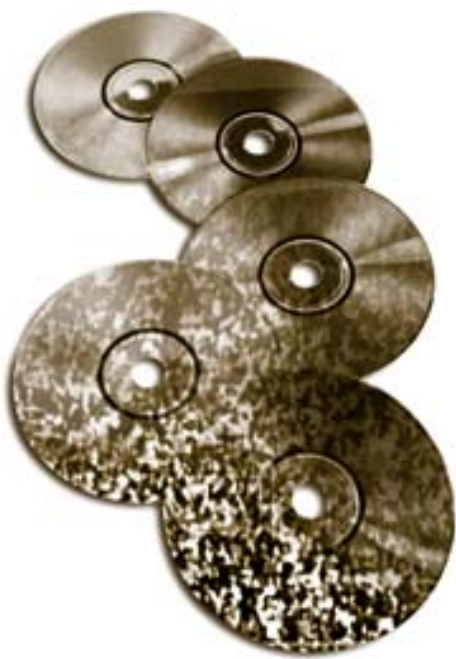
вестно, который выше, который ниже, – они не выше и не ниже, а могут быть рядом и двигаться параллельно), то одна институциональная решетка, а другая решетка – это личные связи. Так вот, связь общая между этими двумя режимами здесь стала очень слабая. Раньше была сильнее. А у них, на Западе, – сильная.

– Можно изменить ситуацию с этими типами связи у нас в стране?

– Нет, изменить ее нельзя, мы не можем этого сделать. Можно имитировать изменения – но изменить нельзя.

– Такая сложившаяся структура связи, по Вашему мнению, это плохо для науки, для сообщества – или ничего особенного?

– Я думаю, что это очень хорошо. Потому что академические системы власти, которые утвердились на протяжении существования империи, сломались, слава богу, а сохранилась их видимость. По-

тому что существующие академические учреждения и в значительной степени университеты – это видимость. На самом деле произошло высвобождение научного сообщества из системы академической и университетской власти – каждый делает что хочет и где хочет, это выражается, например, в том, что необязательно ходить на работу в академических институтах, в гуманитарных во всяком случае. И эти два компонента развиваются автономно. А если они развиваются автономно, значит, в каждом из них формируются свои автономные структуры управления, связи, тематических репертуаров, научных экспертиз. Например, экспертиза “по гамбургскому счету” среди своих – и экспертиза какая-нибудь внешняя. Например, кто-то избирается членкомом или академиком. Там, в этом сегменте, сформировались свои нормы – общения, распределения власти, признания научного результата, нормы цитирования и стилистики, и они не пересекаются с институциональной организацией. И в результате возникает впечатление, что научное сообщество очень разобщено, – и оно действительно разобщено, потому что страна огромная, университеты отделены от институтов и друг о друге мало что знают. Но если посмотреть, например, на совокупный научный текст, который открыт, прозрачен для всех...

В прошлом году опубликовано около 3000 статей по социологии в стране – и видно, что разделение происходит и в текстовом производстве. Большая часть народу, обществоведов (они не стали другими, они и раньше такими были)

занимаются созданием публичного текста, то есть выполняют ту же функцию, что и публицисты, только безграмотно, потому что владеют только научной речью. Писать не умеют – а пишут, по научному коммунизму по большей части. Только вместо этих марксистских терминов они используют слова “гражданское общество” и т. д. А в локальной научной системе есть острова чисто тематические, то есть научные школы формируются. В принципе, в ближайшие десять лет это должно привести к формированию устойчивой сети журналов, потому что журналы – это узлы коммуникации, они связывают людей одной стилистикой, одним интересом и одной темой, они незримы, они должны сработать. В социологии пока это не очень заметно, но нормы и здесь формируются, то есть школа уже есть.

– Можно ли поспособствовать процессу создания этих журналов?

– Тут вот что можно сделать: надо выполнять свою обычную работу по возможности качественно, и все. И это приведет к тому, что эти текстовые популяции сами будут оформляться. Например, то, что делается в ФОМе, – хорошая предпосылка для того, чтобы создать действительно ассоциацию, ассоциацию исследователей общественного мнения. И если ассоциация будет диктовать какие-то критерии качества работы, и стилистики в том числе, это значит, что она жива и будет работать. Но если она превратится в клуб, тогда тут же начнется что-то другое. Да, это дело каких-то субъективных пристрастий – от них надо избав-

ляться всегда. Но если попытаться уловить, предположить, что существует определенная тенденция, то тенденция такова: стремление к созданию вот таких профессиональных анклавов. Они должны быть, конечно, очень маленькими, совсем необязательно секта, упаси бог, секту создать легче легкого.

Из того, что делается в ФОМе, некоторые вещи кажутся мне абсолютно несомненными. Например, книжки, которые проходят по издательской программе. Некоторые из них действительно могут диктовать норму.

– Если мы выложим хорошие книги и захотим активизировать работу студентов и молодых ученых с этими текстами, то могли бы Вы предложить какие-нибудь формы привлечения внимания? Нечто вроде форума, где ставятся какие-то проблемы, связанные с затронутыми темами? Обсуждение этого текста, возможность задать вопросы автору текста. Книга должна обсуждаться.

– Я в точности не знаю. Я знаю, что рецензионная речь как сегмент научной речи у нас не развита, она почему-то не идет. А обсуждение – это тоже разновидность рецензионной речи, здесь не может быть форсирования. Сама попытка форсирования приведет к вырождению, к созданию мутанта, все равно это сведется к вопросу: а ты сам-то кто такой? Но мало-помалу это, конечно, можно сделать.

Более того, даже попытки плавать за рецензирование тоже не приводят к хорошему результату. Насколько я знаю, “Русский журнал” ведет постоянный мониторинг рецензирования, и действи-

тельно, там есть очень квалифицированные авторы, которые пишут рецензии, но эти рецензии сильно смещены в область компьютерного или околокомпьютерного стеба. Мало кто может вполне выдержать канон рецензионной речи. Этот канон на самом деле очень строгий, он предполагает семь основных компонентов рецензий, где оценочный компонент является даже второстепенным: согласие – несогласие.

Большая часть народу, обществоведов занимаются созданием публичного текста, то есть выполняют ту же функцию, что и публицисты, только безграмотно, потому что владеют только научной речью

В стилистике научной речи предполагается, что есть эшелоны производства знаний. Эшелоны – потому, что есть фронт науки, наступление сил света на силы тьмы, как война. Там есть и фронтовые подразделения, и форма производства соответствующая: это научные статьи, их функция – воспроизводить научную новизну и разрушать уже существующие словари науки. Соответственно, социальная структура сообщества – та же. Те, кто воспроизводит научную новизну, – это, как правило, младшие научные сотрудники. Потом монографии идут, монографии по времени занимают три года; монографии – это экстракты статей. То есть каждый последующий эшелон наблюдает за предшествующим. Единственный эшелон, которому не за кем наблюдать, это лабораторные работы, то есть исследование нового, постановка эксперимента. Там люди сидят сут-

ками над микроскопами и считают количество точек в препаратах; пересчитал, написал в журнал – дальше считает. А монография – это другое, и рядом с монографией идет учебная литература, хрестоматизированная, диссертации, энциклопедические издания. Как на фронте. Если расписать это все как фронтовую карту, все очень хорошо получается. Находятся разведка – контрразведка, система наблюдения за собственным лич-

ным составом, политотдел – это нечто вроде библиографического, библиографии первого порядка и второго порядка.

Так вот, рецензии выполняют роль селекции и оценки значимости данного результата, полученного на первом этапе, такого канала, где подавляется шум и сортируется сигнал, для того чтобы потом сложиться в темы, которые создаются монографией. Есть монография – есть тема, нет монографии – нет темы. Но монография – это же надгробие для темы, она уже завершена, наука-то с переднего края ушла дальше, вперед, а штабы-то еще там сидят.

– Получается, что отсутствие рецензии есть исключительно паршивая штука для наступления сил света?

– Отсутствие рецензии – это просто отсутствие системы управления войсками и их рекогносцировки на карте военных действий.

Это означает, что карта науки – это карта партизанской войны. Вот хочу я взорвать город – я его взорву, а не хочу – не взорву. В подразделении бардак, знаков различия нет, личный состав: кто пьяный, а кто герой – это одно и то же. А рецензионная речь – это значит, что есть система селекции, рецензент должен сказать, что в настоящее время получены следующие результаты в таких-то статьях. Рецензент ищет ошибки в монографии, указывает на них. А основное тело рецензии образует концентрированное, очень выпаренное изложение этой книги, то есть имеется реферативная часть. Это нужно для того, чтобы читатель не обременял себя чтением всего тома, а прочитав только пять страниц, уже знал, о чем идет речь в книге, и мог составить для себя ясное представление о данном научном результате. Поэтому рецензирование (опять же отличие химеры от реальности) – это вовсе не высказывание своего мнения о книге, впечатления, как это часто делают. Мы можем высказать свое впечатление как читатели, просто вступить в полемику с автором. А рецензия – это на самом деле экспертное заключение.

– И отсутствие рецензии у нас в отечестве означает фактическое признание отсутствия системы экспертов в социологическом сообществе?

– Нет, они есть, потому что все, кто читает книги, – они и должны читать книги. Правда, тут неясен вопрос, что такое чтение в научном сообществе. Это дело очень темное, потому что есть люди, которые думают, что они все читают, а на самом деле они ничего не чи-

тают. Даже интересно посмотреть, в каких социальных стратах академического сообщества люди хоть что-то читают – и что они читают. Там модные списки цитирования, звезды цитирования, индексы цитирования, распределения цитат по времени. Это дело темное, пока плохо изучено. Сейчас, правда, системами цитирования занимается народ, и оказалось, что работа этого компонента, то есть цитирования, очень диффузна. Например, в пяти социологических журналах режимы цитирования – совершенно разные.

Принятые сейчас рецензии с системой оценок показывают, что журналы, которые называют себя научными, являются не научными журналами, а журналами массовыми, они ориентированы по своему заданию не на сообщество экспертов, академическое сообщество, а на сообщество профанное, которому интересно что-то. Само слово “интересно” предопределяет двойную связь: кому-то интересно общественное мнение просто само по себе, а другому интересна техника получения общественного мнения – это разные виды интереса.

– Эти рецензии, которые появляются, они появляются в известном Вам количестве в известных изданиях. Предположим, что кто-то взял бы на себя труд отдельно на сайте держать рецензии как таковые, рецензии со ссылками. Полезная была бы это работа для молодых ученых, для студентов, для социологов? Мне как неспециалисту кажется – вроде бы очень хорошо.

– Здесь я должен высказать экспертное суждение, потому что мне как русскому человеку, настоящему русаку, хочется, чтобы наши рецензии находились больше в обращении. Все рецензии по социологии представлены в еженедельном указателе, то есть я могу сейчас взять и посмотреть все рецензии, которые вышли на прошлой неделе по социологии, потратив часа три на поиск этих журналов. И все они очень низкого качества. Они написаны, может быть, хорошо, но в партикуляристском режиме. Я думаю, что, как правило, эти рецензии создаются по договоренности. Их просто не будут читать. Вот, например, давеча в “Социсследованиях” я видел рецензии: я сразу же вижу, что это рецензии, что называется, организованные, – они халтурны, они лживы. Они нужны только для того, чтобы автор, который тоже сам по себе лжец, мог сказать: вот, на меня вышла положительная рецензия в журналах. Но сегмент вранья довольно сильно ограничен – нельзя, например, в своем кругу врать, потому что все же знают, что это. Поэтому эти рецензии никто читать не будет.

Но из этой ситуации есть выход, и он не в пользу России. Есть два журнала в мире, журналы рецензий, которые задают класс этой работы, такой сильный олимпийский класс. Во-первых, это американский журнал “Contemporary sociology”, шесть раз в год он выходит, и в каждом номере есть 60–70 рецензий на книги, которые вышли на протяжении предшествующих двух лет, причем эти рецензии выполнены в очень сжатом, емком, конденсированном режиме – меня они избавляют от необхо-

димости читать книги. И вот если бы этот журнал был бы выложен в сети (я не думаю, что будет возражать международная ассоциация), то его бы читали, наверно, десятки людей. А второй журнал, немецкий, это “Soziologische Revue” – он довольно узкий.

Вообще американские издания предназначены не для Америки, а для всего мира. Там никто не скажет, что американское издание – это издание американской литературы, сама постановка вопроса глупая. Они не видят границы, у американцев хороший взгляд на мир, они считают, что весь мир – это предмет их интереса. Поэтому в этом журнале можно встретить ссылки на русские издания, на китайские, реже – на немецкие. А “Soziologische Revue” почему-то очень любит немецкие журналы – ну и пусть любит, черт с ним. Но всего в мире два таких журнала. А другие журналы, например, магистральный наш журнал по специальности “American Journal of Sociology”, чикагский журнал, так там, по-моему, треть каждого номера занимают рецензии, рецензия там является признаком хорошего тона и респекта в сообществе. У нас такого нет.

– Если мы будем обращать внимание на такие журналы, может это как-то поспособствовать увеличению респекта рецензий?

– Конечно. Да просто будет формироваться культура, а культура же формируется всегда одним путем – путем подражания. Когда видишь какой-то образец, всегда хочется как-то ему следовать.

– Что еще можно было бы сделать для увеличения социологи-

ческой культуры в нашем сообществе?

– Это вообще вопрос для президиума Академии наук – они все время этот вопрос обсуждают. В принципе было бы неплохо закрыть Академию наук, но мы этого сделать не можем.

– Преподаватели в последнее время жалуется на очень низкий уровень преподавания социологии на соцфаках в провинции, причем самоподдерживающийся низкий уровень, который изнутри невозможно исправить. Что Вы думаете по этому поводу?

Рецензионная речь как сегмент научной речи у нас не развита. Мало кто может вполне выдержать канон рецензионной речи. Рецензии исполняют роль селекции и оценки значимости данного результата, такого канала, где подавляется шум и сортируется сигнал, для того чтобы потом сложиться в темы, которые создаются монографией

– Я не знаю. Я вообще-то очень много раз слышал о низком уровне где-то и как-то, но сама риторика такого суждения – что где-то что-то плохо – предполагает, что говорящий здесь приписывает себе позицию оценивающего. Эта позиция очень специфическая, я стараюсь ее избегать. Это как раз то, о чем нельзя говорить, о чем лучше молчать. Преподавание социологии в вузах – разнообразное: бывает плохое, бывает хорошее, но сформировалось очень много народу хорошего, симпатичного, который очень хорошо учится. На протяжении последних лет значительно изменились курсы, есть очень много сильно грамотных людей, за грани-

цей учившихся, которые преподают социологию. Я бы в принципе не сказал, что положение плохое, – нормально вполне преподают.

– А где опубликованы упомянутые стандартные репертуарные списки литературы? Опубликованы ли они широко, имеют ли смысл их перепубликовать как образец?

– Да, конечно, но это будет тоже капля в этом потоке. Потому что стоит только войти в любой социологический факультет нормальный и открыть курсы, там эти списки литературы есть, они примерно повторяются по разным специаль-

ностям. Любой человек, который захочет получить рекомендации на списки литературы, сейчас это может сделать без особого труда, а уж если он будет самостоятельно заниматься накоплением источников, то это дело обычное. Если Фонд будет публиковать рекомендательные библиографии по темам, конечно, около 10 тысяч университетских преподавателей будут в этом заинтересованы. Сколько из этих 10 тысяч будет знать об этом сайте – это вопрос другой. Скажем, об этом будут знать 300 человек из 10 тысяч, но за этими 300 пойдут 3 тысячи, а за 3 тысячами – уже 30 тысяч. Правда, из них будет половина геологов.

– *Как можно раздобыть, получить эти хорошие списки?*

– Это сделать можно двумя способами. Первый способ: делать это самим. Кому-то из специалистов Фонда, например Ивану Александровичу Климову, сказать: изволь в течение двух недель подготовить репертуарный список по курсу теорий состояния мобилизации. Он скажет: сейчас сделаю, или просто скажет: щас – и все, проблема решена. А второй путь – такой же, только с широкими... Если будет делаться персонально, то у каждого аборигена в этом лесу есть тема, а если есть тема, значит есть список литературы, и этот список он будет частично выкладывать на своем сайте, и можно его использовать в качестве рекомендательной библиографии.

В принципе такая схема изготовления либо производства этих библиографий заложена в самой поисковой машинке. Например, там можно заложить слова: “массовые опросы”, “медиа” и “речевой акт” – три слова через логическое “и”, и он тогда вышлет литературу, которая будет называться “Речевые действия в массовой коммуникации идей социологического обследования”. Вот на такого рода списки ориентированы эти поисковые машинки библиографические. Конечно, там шум есть, но это шум нормальный.

И еще третий вход – это вход через фонды. Например, есть национальный фонд подготовки преподавательских и управленческих кадров университета, это деньги Мирового банка. По моей специальности, по социологии, политологии и экономике туда закачено 16 миллионов долларов.

На эти 16 миллионов те, кто получил займы, должны изготовить учебные пособия, репертуарные списки, учебные программы, тематические планы и еще то, что называется УМК – учебно-методический комплекс, а списки литературы там обязательны. Так они все это сдают в фонд, поскольку контрактом так предусмотрено, а фонд все эти материалы не может публиковать, они предназначены для семинаров, для распространения. И завязавшись с этим фондом каким-то образом, тут найти просто ход, никаких препятствий нет. Потому что это бюджет, там коммерческих интересов быть не должно. Брать эти учебные курсы, в том числе и полнотекстовые, и выкладывать их на сайт – разумеется, с разрешения.

РУДН (Университет дружбы народов) получил там заем на подготовку нескольких учебно-методических комплексов, мы вместе с Денисом Подвойским написали учебник по истории социологии: там и хрестоматия, и учебник, и список литературы – всего около 20 листов. Его можно выложить на сайт; впрочем, он и должен быть выложен сейчас в РУДН. Этот ресурс тоже можно перекачивать к себе, по-моему, там даже нет морки никакой с правом интеллектуальной собственности. Опять же, речь идет о создании библиотеки, обычной академической университетской библиотеки, только тут специфика в том, что интерес у людей будет профессиональный, очень узкий и специфический. Каждый будет искать информацию, а не нечто увлекательное. Это легко сказать, но сделать это практически невозможно.

– *Почему?*

– Во-первых, потому, что уже делали это многие, и обнаружилось, что это гора. Информационная работа и создание библиотек электронных – это просто ужасное что-то, это гора. Это же не просто так взять и высыпать в эту коробку все, что мы нашли: обрывок бумажки, пустую банку консервную или еще что-то, – тут же нужна селекция. Предположим, провели селекцию, потом нужно форматировать материал – это же издательство фактически. То есть какой-то симбиоз библиотеки и издательства. Вы издаете не новую литературу, а ту, которая уже была издана, но форматы-то ее должны быть все структурированы. Можно выкладывать “Социологический журнал” на сайте, в свободном доступе, в открытом – проблем нет. С ним тоже можно повозиться, создать гипертексты, я думаю, что где-то 500–1000 человек будут регулярно туда ходить.

– *А сейчас выкладывается он где-нибудь?*

– Конечно, он выкладывается на сайте УИС-Россия – это университетская информационная система России. Этот сайт накачан информацией, начиная от полных протоколов Госдумы, там материалы Бюро экономического анализа, министерства Греха, штук 15 газет, полнотекстовый вариант, “Социологический журнал”, еще какие-то, невероятно. Причем она лингвистически организована, там поиск по ключевым словам. Нарастивание таких библиотек примерно так, как их делает УИС-Россия, – вот это было бы неплохо и у нас, только у нас с вами профиль немножко поуже.

Беседовал Л. Блехер